

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Горе

В одной деревушке жили два мужика, два родные брата: один был бедный, другой богатый. Богач переехал на житьё в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет ни куска хлеба, а ребятишки – мал мала меньше – плачут да есть просят. С утра до вечера бьётся мужик как рыба об лёд, а всё ничего нет. Говорит он снова^[1] своей жене:

– Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?

Пришёл к богатому:

– Ах, братец родимый! Помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают.

– Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!

Что делать? Принялся бедный за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю даёт ему богатый одну ковригу хлеба:

– Вот тебе за труды!

– И за то спасибо! – сказал бедный, поклонился и хотел было домой идти.

– Постой! Приходи-ка завтра ко мне в гости и жену приводи: ведь завтра – мои именины.

– Эх, братец; куда мне? Сам знаешь: к тебе придут купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке.

– Ничего, приходи! И тебе будет место.

– Хорошо, братец, приду.

□Воротился бедный домой, отдал жене ковригу и говорит:

– Слушай, жена! Назавтрее нас с тобой в гости звали.

– Как в гости? Кто звал?

– Брат; он завтра именинник.

– Ну что ж, пойдём.

Наутро встали и пошли в город, пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уж много именитых гостей сидело; всех их угощает хозяин на славу, а про бедного брата и его жену и думать забыл – ничего им не даёт; они сидят да только посматривают, как другие пьют да едят. Кончился обед; стали гости из-за стола вылазить да хозяина с хозяйшкой благодарить, и бедный тож – поднялся с лавки и кланяется брату в пояс. Гости поехали домой пьяные, весёлые, шумят, песни поют.

□А бедный идёт назад с пустым брюхом.

– Давай-ка, – говорит жене, – и мы запоём песню!

– Эх ты, дурак! Люди поют от того, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петь вздумал?

– Ну, всё-таки у брата на именинах был; без песен мне стыдно идти. Как я запою, так всякий подумает, что и меня угостили...

– Ну, пой, коли хочешь, а я не стану!

Мужик запел песню, и послышалось ему два голоса; он перестал и спрашивает жену:

– Это ты мне подсобляла петь тоненьким голоском?

– Что с тобой? Я вовсе и не думала.

– Так кто же?

– Не знаю! – сказала баба. – А ну, запой, я послушаю.

Он опять запел; поёт-то один, а слышно два голоса; остановился и спрашивает:

– Это ты, Горе, мне петь пособляешь?

Горе отозвалось:

– Да, хозяин! Это я пособляю.

– Ну, Горе, пойдём с нами вместе.

– Пойдём, хозяин! Я теперь от тебя не отстану.

□Пришёл мужик домой, а Горе зовёт его в кабак. Тот говорит:

– У меня денег нет!

– Ох ты, мужичок! Да на что тебе деньги? Вишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, всё равно носить не станешь! Пойдём в кабак, да полушубок по боку...

Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок. На другой день Горе захало, с похмелья голова болит, и опять зовёт хозяина винца испить.

– Денег нет, – говорит мужик.

– Да на что нам деньги? Возьми сани да телегу – с нас и довольно!

Нечего делать, не отбиться мужику от Горя: взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем. Наутро Горе ещё больше заохало, зовёт хозяина опохмелиться; мужик пропил и борону и соху. Месяца не прошло, как он всё спустил; даже избу свою соседу заложил, а деньги в кабак снёс. Горе опять пристаёт к нему:

– Пойдём да пойдём в кабак!

– Нет, Горе! Воля твоя, а больше тащить нечего.

– Как нечего? У твоей жены два сарафана: один оставь, а другой пропить надобно.

Мужик взял сарафан, пропил и думает: «Вот когда чист! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!»

□Поутру проснулось Горе, видит, что у мужика нечего больше взять, и говорит:

– Хозяин!

– Что, Горе?

– А вот что: ступай к соседу, попроси у него пару волов с телегою.

Пошёл мужик к соседу:

Дай, – просит, – на времечко пару волов с телегою; я на тебя хоть неделю за то проработаю.

– На что тебе?

– В лес за дровами съездить.

– Ну, возьми; только не велик воз накладывай.

– И, что ты, кормилец!

Привёл пару волов, сел вместе с Горем на телегу и поехал в чистое поле.

– Хозяин! – спрашивает Горе. – Знаешь ли ты на этом поле большой камень?

– Как не знать!

– А когда знаешь, поезжай прямо к нему.

Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги. Горе велит мужику поднимать камень; мужик поднимает, Горе пособляет; вот подняли, а под камнем яма – полна золотом насыпана.

– Ну, что глядишь? – сказывает Горе мужику. – Таскай скорей в телегу.

□Мужик принялся за работу и насыпал телегу золотом, всё из ямы повыбрал до последнего червонца; видит, что уж больше ничего не осталось, и говорит:

– Посмотри-ка, Горе, никак там ещё деньги остались?

Горе наклонилось:

– Где? Я что-то не вижу!

– Да вон в углу светятся!

– Нет, не вижу.

– Полезай в яму, так и увидишь.

Горе полезло в яму; только что опустилось туда, а мужик и накрыл его камнем.

– Вот этак-то лучше будет! – сказал мужик. – Не то коли взять тебя с собою, так ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а всё же пропьёшь и эти деньги!

Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов отвёл к

соседу и стал думать, как бы себя устроить; купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата.

□ Долго ли, коротко ли – поехал он в город просить своего брата с женой к себе на именины.

– Вот что выдумал! – сказал ему богатый брат. – У самого есть нечего, а ты ещё именины справляешь!

– Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава богу, имею не меньше твоего; приезжай – увидишь.

– Ладно, приеду!

На другой день богатый брат собрался с женою, и поехали на именины; смотрят, а у бедного-то голыша хоромы новые, высокие, не у всякого купца такие есть! Мужик угостил их, употчевал всякими наедками, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатый у брата:

– Скажи, пожалуй, какими судьбами разбогател ты?

Мужик рассказал ему по чистой совести, как привязалось к нему Горе горемычное, как пропил он с Горем в кабаке всё своё добро до последней нитки: только и осталось, что душа в теле; как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад да от Гора избавился.

□ Завистно стало богатому: «Дай, – думает, – поеду в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе – пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мной своим богатством чваниться». Отпустил свою жену домой, а сам в поле погнался; подъехал к большому камню, своротил его в сторону и наклоняется посмотреть, что там под камнем? Не успел порядком головы нагнуть – а уж Горе выскочило и уселось ему на шею.

– А, – кричит, – ты хотел меня здесь уморить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану.

– Послушай, Горе! – сказал купец. – Вовсе не я засадил тебя

под камень...

– А кто же, как не ты?

– Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришёл, чтоб тебя выпустить.

– Нет, врешь! Один раз обманул, в другой не обманешь!

Крепко насело Горе богатому купцу на шею; привёз он его домой, и пошло у него всё хозяйство вкривь да вкось. Горе уж с утра за своё принимается; каждый день зовёт купца опохмелиться; много добра в кабак ушло. «Этак несходно жить! – думает про себя купец. – Кажись, довольно потешил я Горе; пора б и расстаться с ним, да как?»

□Думал-думал и выдумал: пошёл на широкий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца в втулку. Приходит к Горю:

– Что ты, Горе, всё на боку лежишь?

– А что ж мне больше делать?

– Что делать! Пойдём на двор в гулючки^[2] играть.

А Горе и радо; вышли на двор. Сперва купец спрятался – Горе сейчас его нашло, после того черёд Горю прятаться.

– Ну, – говорит, – меня не скоро найдёшь! Я хоть в какую щель забьюсь!

– Куда тебе! – отвечает купец. – Ты в это колесо не влезешь, а то – в щель!

– В колесо не влезу? Смотри-ка, ещё как спрячусь!

Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил в втулку дубовый клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку. Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему.

[1] – Однажды, как-то (Ред.).

[2] – Гулючки – игра, прятки.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Лихо одноглазое

Жил один кузнец. «Что, – говорит, – я горя никакого не видал. Говорят, лихо на свете есть; пойду поищу себе лихо». Взял и пошёл, выпил хорошенько и пошёл искать лихо. Навстречу ему портной.

– Здравствуй!

– Здравствуй!

– Куда идёшь?

– Что, брат, все говорят: лихо на свете есть: я никакого лиха не видал, иду искать.

– Пойдём вместе. И я хорошо живу и не видал лиха; пойдём поищем.

Вот они шли-шли, зашли в лес, в густой, тёмный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней – по узенькой дорожке. Шли-шли по этой дорожке, видят: изба стоит большая. Ночь; некуда идти.

– Сём, – говорят, – зайдём в эту избу.

Вошли; никого там нету, пусто, нехорошо. Сели себе и сидят. Вот и идёт высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая.

– А! – говорит. – У меня гости. Здравствуйте.

– Здравствуй, бабушка! Мы пришли ночевать к тебе.

– Ну, хорошо; будет что поужинать мне!

Они перепугались. Вот она пошла, беремья^[1] дров большое принесла; поклала в печку, затопила. Подошла к ним, взяла одного, портного, и зарезала, посадила в печку и убрала^[2].

□Кузнец сидит и думает: что делать, как быть? Она взяла – поужинала. Кузнец смотрит в печку и говорит:

– Бабушка, я кузнец.

– Что умеешь делать-ковать?

– Да я всё умею.

– Скуй мне глаз.

– Хорошо, – говорит, – да есть ли у тебя верёвка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебе вковал глаз.

Она пошла, принесла две верёвки, одну потоньше, а другую толще. Вот он связал её одною, которая была потоньше.

– Ну-ка, бабушка, повернися!

Она повернулась и разорвала верёвку.

– Ну, – говорит, – нет, бабушка! Эта не годится.

Взял он толстую верёвку да эту верёвкою скрутил её хорошенько.

– Повернись-ка, бабушка!

Вот она повернулась – не порвала. Вот он взял шило, разжѐг его, наставил на глаз-то ей на здоровый, взял топор да обухом как вдарит по шилу. Она как повернется – и разорвала верёвку, да и села на пороге.

– А, злодей, теперича не уйдѐшь от меня!

Он видит, что опять лихо ему, сидит, думает: что делать? Потом пришли с поля овцы; она загнала овец в свою избу ночевать. Вот кузнец ночевал ночь. Поутру стала она овец выпускать. Он взял шубу, да вывернул шерстью вверх, да в рукава-то надел и подполз к ней, как овечка. Она все по одной выпускала; как хватит за спинку, так и выкинет её. И он подполз; она и егохватила за спинку и выкинула. Выкинула его, он встал и говорит:

– Прощай, Лихо! Натерпелся я от тебя лиха; теперь ничего не сделаешь.

Она говорит:

– Пстой, ещё натерпишься, ты не ушѐл!

И пошѐл кузнец опять в лес по узенькой тропинке. Смотрит: в дереве топорик с золотой ручкой; захотел себе взять. Вот он взялся за этот топорик, рука и пристала к нему. Что делать? Никак не оторвѐшь. Оглянулся назад: идѐт к нему Лихо и кричит:

– Вот ты злодей, и не ушѐл!

Кузнец вынул ножичек, в кармане у него был, и давай эту руку пилить; отрезал её и ушёл. Пришёл в свою деревню и начал показывать руку, что теперь видел лихо.

– Вот, – говорит, – посмотрите – каково оно: я, – говорит, – без руки, а товарища моего совсем съела.

Тут и сказке конец.

[1] – Охалку, вязанку (Ред.).

[2] – Съела (Ред.).

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Верлиока

Жили-были дед да баба, а у них были две внучки-сиротки – такие хорошенькие да смирные, что дед с бабушкой не могли ими нарадоваться. Вот раз дед вздумал посеять горох; посеял –

вырос горох, зацвёл. Дед глядит на него, да и думает: «Теперь буду целую зиму есть пироги с горохом». Как назло деду, воробьи и напали на горох. Дед видит, что худо, и послал младшую внучку прогонять воробьёв. Внучка села возле гороха, машет хворостиной да приговаривает:

– Кишь, кишь, воробьи! Не ешьте дедова гороху!

Только слышит: в лесу шумит, трещит – идёт Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге – в деревянном сапоге, костылём подпирается, сам страшно ухмыляется. У Верлиоки была уже такая натура: завидит человека, да ещё смиренного, не утерпит, чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуска от него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидел Верлиока дедову внучку – такая хорошенькая, ну как не затрогать её? Да той, видно, не понравились его игрушки: может быть, и обругала его – не знаю; только Верлиока сразу убил её костылём.

□Дед ждал-ждал – нет внучки, послал за нею старшую. Верлиока и ту прибрал. Дед ждёт-пождёт – и той нет! – и говорит жене:

– Да что они там опозднились? Пожалуй, с парубками развозились, как трещотки трещат, а воробьи горох лущат. Иди-ка ты, старуха, да скорей тащи их за ухо.

Старуха с печки сползла, в углу палочку взяла, за порог перевалилась, да и домой не воротилась. Вестимо, как увидела внучек да потом Верлиоку, догадалась, что это его работа; с жалости так и вцепилась ему в волосы. А нашему забияке то и на руку...

□Дед ждёт внучек да старуху – не дождётся; нет как нет! Дед и говорит сам себе: «Да что за лукавый! Не приглянулся ли и жене парень чернявый? Сказано: от нашего ребра не ждать нам добра; а баба всё баба, хоть и стара!» Вот так мудро размысливши, встал он из-за стола, надел шубку, закурил трубку, помолился богу, да и поплёлся в дорогу. Приходит к гороху, глядит: лежат

его ненаглядные внуки – точно спят; только у одной кровь, как та алая лента, полосой на лбу видна, а у другой на белой шейке пять синих пальцев так и оттиснулись. А старуха так изувечена, что и узнать нельзя. Дед зарыдал не на шутку, целовал их, миловал да слёзно приговаривал.

□И долго бы проплакал, да слышит: в лесу шумит, трещит – идёт Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге – в деревянном сапоге, костылём подпирается, сам страшно ухмыляется. Схватил деда и давай бить; насилу бедный вырвался да убежал домой. Прибежал, сел на лавку, отдохнул и говорит: «Эге, над нами строить штуки! Пстой, брат, у самих есть руки... Языком хоть что рассуждай, а рукам воли не давай. Мы и сами с усами! Задел рукой, поплатишься головой. Видно тебя, Верлиока, не учили сызмала пословице: делай добро – не кайся, а делай зло – сподевайся^[1]! Взял лычко, отдай ремешок!» Долго рассуждал дед сам с собою, а, наконец, наговорившись досыта, взял железный костыль и отправился бить Верлиоку.

□Идёт-идёт и видит ставок^[2], а на ставке сидит куцый селезень. Увидал деда селезень и кричит:

– Так, так, так! Ведь я угадал, что тебя сюда поджидал. Здоров, дед, на сто лет!

– Здорово, селезень! Отчего же ты меня поджидал?

– Да знал, что ты за старуху да за внучек пойдёшь к Верлиоке на расправу.

– А тебе кто сказал?

– Кума сказала.

– А кума почём знает?

– Кума всё знает, что на свете делается; да другой раз ещё дело и не сделалось, а кума куме уж о том на ухо шепчет, а

нашепчутся две кумы – весь мир узнает.

– Смотри, какое диво! – говорит дед.

– Не диво, а правда! Да такая правда, что бывает не только с нашим братом, а водится и промеж старшими.

– Вот что! – молвил дед и рот разинул; а потом, опомнившись, снял шапку, поклонился куцему селезню и говорит:

– А вы, добродееу^[3], знаете Верлиоку?

– Как, как, как не знать! Знаю я его, кривого.

□Селезень поворотил голову на сторону (сбоку они лучше видят), прищурил глаз, поглядел на деда, да и говорит:

– Эге! С кем не случается беда? Век живи, век учись, а все дурнем умрёшь. Так, так, так!

Поправил крылья, повертел задом и стал учить деда:

– Слушай, дедушка, да учись, как на свете жить! Раз как-то вот тут на берегу начал Верлиока бить какого-то горемыку. А в те поры была у меня за каждым словом поговорка: ах, ах, ах! Верлиока потешается, а я сижу в воде, да так себе и кричу: ах, ах, ах!.. Вот он, управившись по-своему с горемыкою, подбежал ко мне, да, не говоря худого слова, хватить меня за хвост! Да не на таковского напал, только хвост у него в руках остался. Оно хоть хвост и невелик, а все-таки жаль его... Кому своё добро не дорого? Говорят же: всякой птице свой хвост ближе к телу. Верлиока пошёл домой, да и говорит дорогою: «Постой же! Научу я тебя, как за других заступаться». Вот я и взялся за ум и с той поры – кто бы что ни делал, не кричу: ах, ах, ах! а всё придакиваю: так, так, так! Что же? И житьё стало лучше, и почету от людей больше. Все говорят: «Вот селезень – хоть куцый, да умный!»

– Так не можешь ли ты, добродееу, показать мне, где живёт Верлиока?

– Так, так, так!

Селезень вылез из воды и, переваливаясь с боку на бок, словно купчиха, пошёл по берегу, а дед за ним.

□Идут-идут, а на дороге лежит бечёвочка и говорит:

– Здравствуй, дедушка, умная головушка!

– Здравствуй, бечёвочка!

– Как живёшь? Куда идёшь?

– Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу; старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были такие хорошие – на славу!

– Я твоих внучек знала, старуху поважала^[41]; возьми и меня на подмогу!

Дед подумал: «Может, пригодится связать Верлиоку!» – и отвечал:

– Полезай, когда знаешь дорогу.

Верёвочка и поползла за ними, словно змея.

□Идут-идут, на дороге лежит колотушка, да и говорит:

– Здравствуй, дедушка, умная головушка!

– Здравствуй, колотушка!

– Как живёшь? Куда идёшь?

– Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу. Подумай: старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были на славу.

– Возьми меня на подмогу!

– Ступай, когда знаешь дорогу.

А сам думает: «Колотушка и впрямь поможет». Колотушка поднялась, упёрлась ручкой о землю и прыгнула.

□Пошли опять. Идут-идут, а на дороге лежит жёлудь и пищит:

– Здравствуй, дед долгоногий!

– Здравствуй, жёлудь дубовый!

– Куда это так шагаешь?

– Иду Верлиоку бить, когда его знаешь.

– Как не знать! Пора уж с ним расплатиться; возьми и меня на подмогу.

– Да чем ты поможешь?

– Не плюй, дед, в колодезь – достанется водицы напиться; синица не велика птица, да всё поле спалила. А ещё говорят: мал золотник, да дорог; велика Федора, да дура!

Дед подумал: «А пускай его! Чем больше народу, тем лучше», и говорит:

– Плетись позади!

Какое – плетись! Жёлудь так и скачет впереди всех.

□Вот и пришли они в густой, дремучий лес, а в том лесу стоит избушка. Глядят – в избушке никого нет. Огонь давно погас, а на шестке стоит кулиш^[5]. Жёлудь не промах – вскочил в кулиш, верёвочка растянулась на пороге, колотушку положил дед на полку, селезня посадил на печку, а сам стал за дверь. Пришёл Верлиока, кинул дрова на землю и стал поправлять в печке. Желудь, сидя в кулише, затянул песню:

– Пи... пи... пи! Пришли Верлиоку бить!

– Цыц, кулиш! В ведро вылью, – крикнул Верлиока.

А жёлудь не слушает его, знай своё пищит. Верлиока рассердился, схватил горшок да бух кулиш в ведро. Желудь как выскочит из ведра, щёлк Верлиоку прямо в глаз, выбил и последний. Верлиока кинулся было наутёк, да не тут-то было – верёвочка перецепила его, и Верлиока упал. Колотушка с полки, а дед из-за дверей, и давай его потчевать; а селезень за печкой сидит да приговаривает:

– Так, так, так!

Не помогли Верлиоке ни его сила, ни его отвага. Вот вам сказка, а мне бубликов вязка.

[1] – Ожидай отплаты.

[2] – Пруд.

[3] – Сударь (Ред.).

[4] – Уважать, почитать (Ред.).

[5] – Пшенная кашица.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Мальчик с
пальчик**

Жил себе старик со старухой. Раз старуха рубила капусту на пироги, задела нечаянно по руке и отрубила мизинный палец; отрубила и бросила за печку. Вдруг послышалось старухе, кто-то говорит за печкой человеческим голосом:

– Матушка! Сними меня отсюда.

Изумилась она, сотворила честной крест и спрашивает:

– Ты кто таков?

– Я твой сынок, родился из твоего мизинчика.

Сняла его старуха, смотрит – мальчик крохотный-крохотный, еле от земли видно! И назвала его Мальчик с пальчик.

– А где мой батюшка? – спрашивает Мальчик с пальчик.

– Поехал на пашню.

– Я к нему пойду, помогать стану.

– Ступай, дитятко.

□ Пришёл он на пашню:

– Бог в помочь, батюшка!

Осмотрелся старик кругом.

– Что за чудо! – говорит. – Глас человеческий слышу, а никого не вижу. Кто таков говорит со мною?

– Я – твой сынок.

– Да у меня и детей сроду не бывало!

– Я только что народился на белый свет: рубила матушка капусту на пироги, отрубила себе мизинный палец с руки, бросила за печку – вот я и стал Мальчик с пальчик! Пришёл тебе помогать – землю пахать. Садись, батюшка, закуси чем бог послал да отдохни маленько!

Обрадовался старик, сел обедать; а Мальчик с пальчик залез лошади в ухо и стал пахать землю; а наперёд отцу наказал:

– Коли кто будет торговать меня, продавай смело; небось – не пропаду, назад домой приду.

□ Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идёт, соха орёт^[1], а человека нет!

– Этого, – говорит, – ещё видом не видано, слухом не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!

– Что ты, разве ослеп! – отозвался ему старик. – То у меня сын пашет.

– Продай его мне!

– Нет, не продам; нам только и радости со старухой, только и утехи, что он!

– Продай, дедушка! – пристаёт барин.

– Ну, давай тысячу рублёв – твой будет!

– Что так дорого?

– Сам видишь: мальчик мал, да удал, на ногу скор, на посылку лёгок!

Барин заплатил тысячу, взял мальчика, посадил в карман и поехал домой. А Мальчик с пальчик напаскудил ему в карман, прогрыз дыру и ушёл.

□Шёл-шёл, и пристигла его тёмная ночь; спрятался он под былинку подле самой дороги, лежит себе, спать собирается. Идут мимо три вора.

– Здравствуйте, добрые молодцы! – говорит Мальчик с пальчик.

– Здорово!

– Куда идёте?

– К попу.

– Зачем?

– Быков воровать.

– Возьмите и меня с собой!

– Куда ты годишься? Нам надо такого молодца, чтоб раз дал – и дух вон!

– Пригожусь и я: в подворотню пролезу да вам ворота отопру.

– И то дело! Пойдём с нами.

□Вот пришли вчетвером к богатому попу; Мальчик с пальчик пролез в подворотню, отворил ворота и говорит:

– Вы, братцы, здесь на дворе постойте, а я заберусь в сарай да выберу быка получше и выведу к вам.

– Ладно!

Забрался он в сарай и кричит оттуда во всю глотку:

– Какого быка тащить – бурого али чёрного?

– Не шуми, – говорят ему воры, – тащи какой под руку попадётся.

Мальчик с пальчик вывел им быка что ни есть самого лучшего; воры пригнали быка в лес, зарезали, сняли шкуру и стали делить мясо.

– Ну, братцы, – говорит Мальчик с пальчик, – я возьму себе требуху: с меня и того будет.

Взял требуху и тут же залез в неё спать, ночь коротать; а воры поделили мясо и пошли по домам.

□Набежал голодный волк и проглотил требуху вместе с мальчиком; сидит он в волчьем брюхе живой, и горя ему мало! Плохо пришлось серому! Увидит он стадо, овцы пасутся, пастух спит, и только что подкрадётся овцу унести – как Мальчик с пальчик и закричит во всё горло:

– Пастух, пастух, овечий дух! Ты спишь, а волк овцу тащит!

Пастух проснётся, бросится на волка с дубиной да притравит его собаками, а собаки ну его рвать – только клочья летят! Еле-еле уйдёт сердешный!

□Совсем отощал волк, пришлось пропадать с голоду.

– Вылези! – просит волк.

– Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу, – говорит Мальчик с пальчик.

Побежал волк в деревню, вскочил прямо к старику в избу; Мальчик с пальчик тотчас вылез из волчьего брюха задом, схватил волка за хвост и кричит:

– Бейте волка, бейте серого!

Старик схватил дубинку, старуха другую и давай бить волка; тут

его и порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали. И стали они жить-поживать, век доживать.

[1] – Орёт – пашет.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Ночные пляски

Захотелось царю узнать, куда ходит по ночам его дочь. И взялся за то дело солдат, купил у мясника коровий пузырь, приладил его к подбородку и явился во дворец на часы. У царя были гости, гремела музыка, и своим порядком шли танцы за танцами; но только пробило девять часов, как царевна сказалась больною и ушла в свою спальню; так она всегда делала. Немного погодя выбегает её служанка и зовёт солдата к царевне, а у них уже

был готов стакан с сонным зельем. Подносит ему стакан сама царевна:

– Выпей, служивый!

Он принял стакан, притворился, что пьёт, да вместо того в пузырь вылил. После того пошёл, покачиваясь, и стал у дверей на карауле; постоял-постоял, да нарочно и свалился на пол, закрыл глаза и ну храпеть – точно и вправду заснул!

□Тут царевна с служанкою облоклась в нарядные платья, выбежали из палат, спустились с крыльца и прямо в сад; солдат приподнялся потихохоньку да вслед за ними. Вот как пришли они в сад, царевна сорвала три яблочка, бросила одно через яблоню и промолвила:

– Лети, моё яблочко, через дерево, а мать сыра земля расступися!

Земля расступилась, и обе дёвицы ушли в провал к подземному царю. Уходя в провал, царевна выбросила оттуда другое яблочко и проговорила:

– Вылети, моё яблочко, и пади на сыру землю, а ты, мать сыра земля, соступися!

Земля соступилась.

□Солдат всё это выглядел, всё это высмотрел и сам хочет туда ж отправляться. Сорвал одно яблочко, протянул было за другим руку и услышал позади себя большой гам и крик. Оглянулся, а то два мужика дерутся.

– Эй вы! За что бьётесь? – спросил их солдат.

Мужики отвечали:

– Есть у нас шапка-невидимка да сапоги-скороходы, да не знаем, как поделить!

– Давайте я поделю! Вот я брошу это яблоко: кто его подхватит

да наперво прибежит ко мне, тому и шапка-невидимка и сапоги-скороходы.

И закинул яблоко далеко-далеко; мужики бросились за яблоком, а он надел те сапоги на ноги, шапку-невидимку на голову, сорвал три яблочка, перекинул одно через яблоньку и промолвил:

– Лети, моё яблочко, через дерево, а мать сыра земля расступися!

Земля расступилась, солдат сошёл в провал, явился невидимо во дворец к подземному царю и застал, что тот царь с царевною уже портретами меняются, кольцами обручаются; солдат утащил оба кольца и портреты и на другой день уличил царевну.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Несмеяна- царевна

Как подумаешь, куда велик божий свет! Живут в нём люди богатые и бедные, и всем им просторно, и всех их призирает и рассуждает господь. Живут роскошные – и празднуют; живут горемычные – и трудятся; каждому своя доля!

В царских палатах, в княжьих чертогах, в высоком терему красовалась Несмеяна-царевна. Какое ей было житьё, какое приволье, какое роскошь! Всего много, всё есть, чего душа хочет; а никогда она не улыбалась, никогда не смеялась, словно сердце её ничему не радовалось.

Горько было царю-отцу глядеть на печальную дочь. Открывает он свои царские палаты для всех, кто пожелает быть его гостем.

– Пускай, – говорит, – пытаются развеселить Несмеяну-царевну; кому удастся, тому она будет женою.

Только это вымолвил, как закипел народ у княжьих ворот! Со всех сторон едут, идут – и царевичи и князевичи, и бояре и дворяне, полковые и простые; начались пиры, полились меды – царевна всё не смеётся.

□На другом конце в своём уголке жил честной работник; по утрам он двор убирал, вечерами скот пасал^[1], в беспрестанных был трудах. Хозяин его – человек богатый, правдивый, платою не обижал. Только покончился год, он ему мешок денег на стол:

– Бери, – говорит, – сколько хочешь!, а сам в двери и вышел вон.

Работник подошел к столу и думает: как бы перед богом не согрешить, за труды лишнего не положить? Выбрал одну только денежку, зажал её в горсть да вздумал водицы напиться, нагнулся в колодезь – денежка у него выкатилась и потонула на дно.

□Остался бедняк ни при чём. Другой бы на его месте заплакал, затужил и с досады б руки сложил, а он нет.

– Всё, – говорит, – бог посылает; господь знает, кому что давать: кого деньгами наделяет, у кого последние отнимает. Видно, я худо рачи́л^[2], мало трудился, теперь стану усердней!

И снова за работу – каждое дело в его руках огнём горит! Кончился срок, минул ещё год, хозяин ему мешок денег на стол:

– Бери, – говорит, – сколько душа хочет!, а сам в двери и вышел вон.

Работник опять думает, чтоб бога не прогневить, за труд лишнего не положить; взял денежку, пошёл напиться и выпустил невзначай из рук – денежка в колодезь и потонула. Ещё усерднее принялся он за работу: ночь недосыпает, день недоедает. Поглядишь: у кого хлеб сохнет, желтеет, а у его хозяина всё бутеет^[3]; чья скотина ноги завивает^[4], а его по улице брыкает; чьих коней под гору тащат, а его и в поводу не сдержат. Хозяин разумел, кого благодарить, кому спасибо говорить. Кончился срок, миновал третий год, он кучу денег на стол: «Бери, работничек, сколько душа хочет; твой труд, твоя и деньга!», а сам вышел вон.

□Берёт работник опять одну денежку, идёт к колодезю воды испить – глядь: последняя деньга цела, и прежние две наверх выплыли. Подобрал он их, догадался, что бог его за труды наградил; обрадовался и думает: «Пора мне бел свет поглядеть,

людей распознать!» Подумал и пошёл куда глаза глядят. Идёт он полем, бежит мышь:

– Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку; я тебе сама пригожусь!

Дал ей денежку. Идёт лесом, ползёт жук:

– Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!

Дал и ему денежку. Поплыл рекой, встрелся сом:

– Ковалёк, дорогой куманёк! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!

Он и тому не отказал, последнюю отдал.

□ Сам пришёл в город; там людей, там дверей! Загляделся, завертелся работник на все стороны, куда идти – не знает. А перед ним стоят царские палаты, серебром-золотом убраты, у окна Несмеяна-царевна сидит и прямо на него глядит. Куда деваться? Затуманилось у него в глазах, нашёл на него сон, и упал он прямо в грязь. Откуда ни взялся сом с большим усом, за ним жучок-старичок, мышка-стрижка; все прибежали. Ухаживают, ублаживают: мышка платице снимает, жук сапожки очищает, сом мух отгоняет. Глядела-глядела на их услуги Несмеяна-царевна и засмеялась.

– Кто, кто развеселил мою дочь? – спрашивает царь.

Тот говорит: «Я»; другой: «Я».

– Нет! – сказала Несмеяна-царевна. – Вон этот человек! – и указала на работника.

Тотчас его во дворец и стал работник перед царским лицом молодец-молодцом! Царь своё царское слово сдержал; что обещал, то и даровал. Я говорю: не во сне ли это работнику снилось? Заверяют, что нет, истинная правда была, – так надо верить.

[1] – Пас.

[2] – Усердно старался (Ред.).

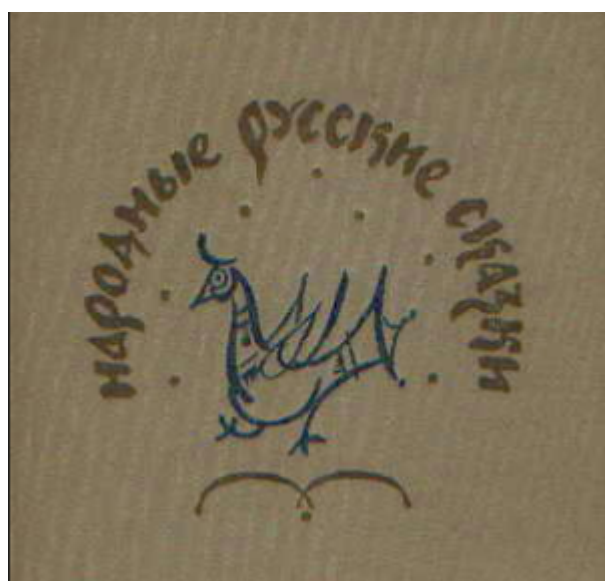
[3] – Толстеть, наливаться, тучнеть (Ред.).

[4] – Тащиться, плестись (Ред.).

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Незнайко

Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки На море на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный, в задучеснок толченый; с одного боку-то режь, а с другого макай да ешь. Жил-был купец, у него был сын; вот как начал сын подрастать да в лавках торговать – у того купца померла первая жена, и женился он на другой. Прошло несколько месяцев, стал купец собираться в чужие земли ехать, нагрузил корабли

товарами и приказывает сыну хорошенько смотреть за домом и торговлю вести как следует. Просит купеческий сын: «Батюшка! Пока не уехал, поищи мое счастье». – «Сын мой любезный! – отвечает старик. – Где же я его найду?» – «Мое счастье недолго искать! Как встанешь завтра поутру, выдь за ворота и первую встречу, какая тебе попадется, купи и отдай мне». – «Хорошо, сынок!»

На другой день встал отец ранешенько; вышел за ворота, и попалась ему первая встреча – тащит мужик паршивого, ледащего жеребенка собакам на съедение. Купец ну его торговать и сторговал за рубль серебром, привел жеребенка на двор и поставил в конюшню. Спрашивает купеческий сын: «Что, батюшка, нашел мое счастье?» – «Найти-то нашел, да уж больно плохое!» – «Стало быть, так надо! Каким счастьем господь наделил тем и владать буду».

Отец отправился с товарами в иные земли, а сын стал в лавке сидеть да торгом заниматься, и была у него такая привычка: идет ли в лавку, домой ли ворочается – завсегда наперед зайдет к своему жеребенку. Вот невзлюбила мачеха своего пасынка, принялась искать ворожей, как бы его извести; нашла старую ведьму, которая дала ей зелья и наказала положить под порог в то самое время, как пасынку надо будет домой прийти.

Ворочаясь из лавки, купеческий сын зашел в конюшню и видит – его жеребенок стоит во слезах по щиколки; ударил он его по бедру и спрашивает: «Что, мой добрый конь, плачешь, а мне ничего не скажешь?» Отвечает жеребенок: «Ах, Иван купеческий сын, мой любезный хозяин! Как мне не плакать? Мачеха хочет извести тебя. Есть у тебя собака; как подойдешь к дому,пусти ее наперед себя – увидишь, что́ будет!» Купеческий сын послушался; только собака через порог переступила, тут ее и разорвало на мелкие части.

Иван купеческий сын и виду не подал мачехе, что ведает ее злобу; на другой день отправляется он в лавку, а мачеха к ворожее. Старуха приготовила ей другого зелья и велела

положить в пойло. Вечером, идучи домой, зашел купеческий сын в конюшню – опять жеребенок стоит по щиколки во слезах; ударил его по бедру и спрашивает: «Что, мой добрый конь, плачешь, а мне ничего не скажешь?» – «Как мне не плакать, как не тужить? Слышу я великую невзгоду, хочет мачеха тебя совсем извести. Смотри, как придешь в горницу да сядешь за стол, мачеха поднесет тебе пойло в стакане – ты его не пей, а за окно вылей; сам тогда увидишь, что за окном поделается». Иван купеческий сын то и сделал: только вылил за окно пойло, как начало землю рвать! Он и тут не сказал мачехе ни слова.

На третий день отправляется он в лавку, а мачеха опять к ворожее; старуха дала ей волшебную рубашку. Вечером, идучи из лавки, заходит купеческий сын к жеребенку и видит – стоит его добрый конь по щиколки во слезах; ударил его по бедру и сказал: «Что ты, мой добрый конь, плачешь, а мне ничего не скажешь?» – «Как мне не плакать? Хочет тебя мачеха совсем извести. Слушай же, что я скажу: как придешь домой, пошлет тебя мачеха в баню и рубашку пришлет тебе с мальчиком; ты рубашку на себя не надевай, а надень на мальчика: что тогда будет – сам увидишь!» Вот приходит купеческий сын в горницу, вышла мачеха и говорит ему: «Не хочешь ли попариться? У нас баня готова». – «Хорошо», – говорит Иван и пошел в баню; немного погодя приносит мальчик рубашку. Как скоро купеческий сын надел ее на мальчика, тот в ту же минуту закрыл глаза и пал на помост совсем мертвый; а как снял с него эту рубашку да кинул в печь – мальчик ожил, а печь на мелкие части распалась.

Видит мачеха – ничто не берет, бросилась опять к старой ворожее, просит и молит ее, как бы извести пасынка. Отвечает старуха: «Пока конь его жив будет, ничего нельзя сделать! А ты притворись больной, да как приедет твой муж, скажи ему: видела-де я во сне, что надо зарезать нашего жеребенка, достать из него желчь и тою желчью вымазаться – тогда и хворь пройдет!» Пришло время купцу возвращаться, сын собрался и пошел навстречу. «Здравствуй, сынок! – говорит отец. – Все ли у нас дома здорово?» – «Все благополучно, только матушка

больна». Выгрузил купец товары, приходит домой – жена лежит на постели, охает. «Тогда, – говорит, – поправлюся, когда мой сон исполнишь». Купец тотчас согласился, призывает своего сына: «Ну, сынок, я хочу зарезать твоего коня; мать больна, надо ее вылечить». Иван купеческий сын горько заплакал: «Ах, батюшка! Ты хочешь отнять у меня последнее счастье». Сказал и пошел в конюшню.

Жеребенок увидел его и стал говорить: «Любезный мой хозяин! Я тебя отводил от трех смертей; избавь ты меня хоть от единыя, попроси у своего отца – в последний раз на мне проехаться, погулять в чистом поле с добрыми товарищами». Просится сын у отца погулять в последний раз на своем коне; отец позволил, Иван купеческий сын сел на коня, поскакал в чистое поле, позабавился с своими друзьями-товарищами; а после написал к отцу такую записку: «Лечи-де мачеху нагайкою о двенадцати хвостах; кроме этого снадобья, ничем ее не вылечишь!» Послал эту записку с одним из добрых товарищей, а сам поехал в чужедальние стороны. Купец прочитал письмецо и принялся лечить свою жену нагайкою о двенадцати хвостах; скоро баба выздоровела.

Едет купеческий сын по полю чистому, раздолью широкому, видит – гуляет рогатый скот. Говорит ему добрый конь: «Иван купеческий сын! Пусти меня погулять на воле; выдерни из моего хвоста три волоска; когда я тебе понадобится – только зажги один волосок, я тотчас явлюсь перед тобой, как лист перед травой! А ты, добрый молодец, ступай к пастухам, купи одного быка и зарежь его; нарядись в бычью шкуру, на голову пузырь надень и, где ни будешь, о чем бы тебя ни спрашивали, на все один ответ держи: не знаю!» Иван купеческий сын отпустил коня на волю, нарядился в бычью шкуру, на голову пузырь надел и пошел на взморье. По синю морю корабль бежит; увидели корабельщики этакое чудище – зверь не зверь, человек не человек, на голове пузырь, кругом шерстью обросло, подплывали к берегу на легкой лодочке, стали его выпрашивать – из ума выведывать. Иван купеческий сын один ответ ладит: «Не знаю!» –

«Коли так, будь же ты Незнайкою!»

Взяли его корабельщики, привезли с собой на корабль и поплыли в свое королевство. Долго ли, коротко ли – приплыли они к стольному городу, пошли к королю с подарками и объявили ему про Незнайку. Король повелел поставить то чудище пред свои очи светлые. Привезли Незнайку во дворец, сбежалось народу видимо-невидимо на него глазеть. Стал король его выпрашивать: «Что ты за человек?» – «Не знаю». – «Из каких земель?» – «Не знаю». – «Чьего роду-племени?» – «Не знаю». Король плюнул и отправил Незнайку в сад: пусть-де наместо чучела птиц с яблонь пугает! – а кормить его наказал с своей королевской кухни.

У того короля было три дочери: старшие хороши, меньшая еще лучше! В скором времени стал за меньшую королевну арапский королевич свататься, пишет к королю с такими угрозами: «Если не отдашь ее из доброй воли, то силой возьму». Королю это не по нраву пришло, отвечает арапскому королевичу: «Начинай-де войну; что велят судьбы божи!» Собрал королевич силу несметную и обложил все его государство. Незнаюшка сбросил с себя шкуру, снял пузырь, вышел на чистое поле, припалил волосок и крикнул громким голосом, богатырским посвистом. Откуда ни взялся его чудный конь – конь бежит, земля дрожит: «Гой еси, добрый молодец! Что так скоро меня требуешь?» – «На войну пора!» Сел Незнаюшка на своего коня доброго, а конь его спрашивает: «Как тебя высоко нести – вполдерева или поверх леса стоячего?» – «Неси поверх леса стоячего!» Конь поднялся от земли и полетел на вражье воинство.

Наскакал Незнайко на неприятелей, у одного меч боевой выхватил, у другого шишак золотой сдернул да на себя надел, закрылся наличником^[1] и стал побивать силу арапскую: куда ни повернет, так и летят головы – словно сено косит! Король и королевны с городской стены смотрят да дивуются: «Что за витязь такой! Отколь взялся? Уж не Егорий ли Храбрый^[2] нам помогает?» А того и на мыслях нет, что это тот самый Незнайко, что ворои в саду пугает. Много войск побил Незнаюшка, да не

столько побил, сколько конем потоптал; оставил в живых только самого арапского королевича да человек десять для свиты – на обратный путь. После того побоища великого подъехал он к городской стене и говорил: «Ваше королевское величество! Угодна ли вам моя послуга?» Король его благодарил, к себе в гости звал; да Незнайко не послушался: ускакал в чистое поле, отпустил своего доброго коня, вернулся домой, надел пузырь да шкуру и начал по-прежнему по́саду ходить, ворон пугать.

Прошло ни много, ни мало времени, опять пишет к королю арапский королевич: «Коли не отдашь за меня меньшую дочь, то я все государство выжгу, а ее в полон возьму». Королю это не показалось; написал в ответ, что ждет его с войском. Арапский королевич собрал силу больше прежнего, обложил государство со всех сторон, трех могучих богатырей вперед выставил. Узнал про то Незнаюшка, сбросил с себя шкуру, снял пузырь, вызвал своего доброго коня и поскакал на побоище. Выехал супротив него один богатырь; съехались они, поздоровались, копьями ударились. Богатырь ударил Незнайку так сильно, что он едва-едва в одном стреме удержался; да потом оправился, налетел молодцом, снес с богатыря голову, ухватил ее за волосы и подбросил вверх: «Вот так-то всем головам летать!» Выехал другой богатырь, и с ним то же случилось. Выехал третий; бился с ним Незнаюшка целый час: богатырь рассек ему руку до крови; а Незнайко снял с него голову и подбросил вверх; тут все войско арапское дрогнуло и побежало врозь. В те поры король с королевнами на городской стене стоял; увидела меньшая королевна, что у храброго витязя кровь из руки струится, снимала с своей шеи платочек и сама ему рану завязывала; а король звал его в гости. «Буду, – отвечал Незнайко, – только не теперь». Ускакал в чистое поле, отпустил коня, нарядился в шкуру, на голову пузырь надел и стал по́саду ходить, ворон пугать.

Ни много, ни мало прошло времени – просватал король двух старших дочерей за славных царевичей и затеял большое веселье. Пошли гости в сад погулять, увидели Незнайку и спрашивают: «Это что за чудище?» Отвечает король: «Это Незнайко, живет у

меня вместо пугала – от яблонь птиц отгоняет». А меньшая королева глянула Незнайке на руку, заметила свой платочек, покраснела и слова не молвила. С той поры, с того времени начала она в сад почаще ходить, на Незайку засматриваться, про пиры, про веселье и думать забыла. «Где ты, дочка, все ходишь?» – спрашивает ее отец. «Ах, батюшка! Сколько лет я у вас жила, сколько раз по саду гуляла, а никогда не видала такой умильной пташки, какую теперь видела!» Потом стала она отца просить, чтоб благословил ее за Незайку замуж идти; сколько отец ее ни отговаривал, она все свое. «Если, – говорит, – за него не выдашь – так век в девках останусь, ни за кого не пойду!» Отец согласился и обвенчал их.

После того пишет к нему арапский королевич в третий раз, просит выдать за него меньшую дочь. «А коли не так – все государство огнем сожгу, а ее силой возьму». Отвечает король: «Моя дочь уж обвенчана; если хочешь, приезжай – сам увидишь». Арапский королевич приехал: видя, что такое чудовище да на такой прекрасной королеве обвенчано, задумал Незайку убить и вызвал его на смертный бой. Незайко сбросил с себя шкуру, снял с головы пузырь, вызвал своего доброго коня и выехал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Съехались они в чистом поле, широком раздолье; бой недолго длился: Иван купеческий сын убил арапского королевича. Тут только король узнал, что Незайко – не чудовище, а сильномогучий и прекрасный богатырь, и сделал его своим наследником. Стал Иван купеческий сын с своей королевой жить-поживать да добра наживать и родного отца к себе взял; а мачеху казни предали.

[1] – Забралом (Ред.).

[2] – Святой Георгий (Ред.).

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Чернушка

Жил-был барин; у него была жена добрая, а дочь красавица – звали её Машею. Только жена-то померла, а он на другой женился – на вдове; у той своих было две дочери, да такие злые, недобрые! Всячески они угнетали бедную Машу, заставляли её на себя работать, а когда работы не было – заставляли её сидеть у печки да выгребать золу; оттого Маша всегда и грязна и черна, и прозвали они её девкой Чернушкой. Вот как-то заговорили люди, что ихний князь жениться хочет, что будет у него большой праздник и что на том празднике выберет он себе невесту. Так и было. Созвал князь всех в гости; стали собираться и мачеха с дочерьми, а Машу не хочет брать; сколько та ни просилась – нет да нет! Вот уехала мачеха с дочерьми на княжий праздник, а падчерице оставила целую меру ячменя, муки и сажу: всё вместе перемешано, – и приказала до её приезда разобрать всё по зёрнышку, по крупинке.

□Маша вышла на крыльцо и горько заплакала; прилетели два голубка, разобрали ей ячмень, и муку, и сажу, потом сели ей на плеча – и вдруг очутилось на девушке прекрасное новое платье.

– Ступай, – говорят голубки, – на праздник, только не

оставайся там долее полуночи.

Только вошла Маша во дворец, так все на неё и загляделись; самому князю она больше всех понравилась, а мачеха и сестры её совсем не узнали. Погуляла, повеселилась с другими девушками; видит, что скоро и полночь; вспомнила, что ей голубки́ наказывали, и убежала поскорей домой. Князь за нею; хотел было допытаться, кто она такова, а её и след простыл!

□На другой день опять у князя праздник; мачехины дочери о нарядах хлопочут да на Машу то и дело кричат да ругаются:

– Эй, девка Чернушка! Переодень нас, платье вычисти, обед приготовь!

Маша всё сделала, вечером повеселилась на празднике и ушла домой до полуночи; князь за нею – нет, не догнал. На третий день у него опять пир горою; вечером голубки́ обули-одели Машу лучше прежнего. Пошла она во дворец, загулялась, завеселилась и забыла про время – вдруг ударила полночь; Маша бросилась скорей домой бежать, а князь загодя приказал всю лестницу улить смолою и дёгтем. Один башмачок её прилип к смоле и остался на лестнице; князь взял его и на другой же день велел разыскать, кому башмачок впору.

□Весь город обошли – никому башмачок по ноге не приходится; наконец пришли к мачехе. Взяла она башмачок и стала примерять старшей дочери – нет, не лезет, велика нога!

– Отрежь большой палец! – говорит мать дочери. – Как будешь княгиней – не надо и пешком ходить!

Дочь отрезала палец и надела башмачок; княжие посланные хотят во дворец её везти, а голубки́ прилетели и стали ворковать: «Кровь на ноге! Кровь на ноге!» Посланные глянули – у девицы из башмачка кровь течёт.

– Нет, – говорят, – не годится!

Мачеха пошла примеривать башмачок средней дочери, и с этой то

же самое было.

□Посланные увидели Машу, приказали ей примерить; она надела башмачок – и в ту же минуту очутилось на ней прекрасное блестящее платье. Мачехины дочери только ахнули! Вот привезли Машу в княжие терема, и на другой день была свадьба. Когда пошла она с князем к венцу, то прилетели два голубка и сели к ней один на одно плечо, другой на другое; а как воротились из церкви, голубки´вспорхнули, кинулись на мачехиных дочерей и выклевали у них по глазу. Свадьба была весёлая, и я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Золотой башмачок

Жил-был старик со старухой. У старика, у старухи было две дочери. Старик однажды поехал на посад^[1] и купил там одной сестре рыбку и другой тоже рыбку. Старшая скушала свою рыбку, а младшая пошла на колодец и говорит:

– Матушка рыбка! Скушать ли тебя или нет?

– Не кушай меня, – говорит рыбка, – а пусти в воду; я тебе пригожусь.

Она спустила рыбку в колодец и пошла домой. Старуха очень не любила своей младшей дочери. Она нарядила сестру её в самое лучшее лопотьё^[2] и пошла с ней в церковь к обедне, а младшей оставила две меры ржи и велела ей вышестать^[3] до прихода из церкви.

□ Девушка пошла за водой, сидит у колодца и плачет; рыбка выплыла наверх и спрашивает её:

– Об чём ты, красная девица, плачешь?

– Как же не плакать мне? – отвечает ей красная девица. – Мати нарядила сестру мою в самое лучшее лопотьё, ушла с ней к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить две меры ржи до прихода своего из церкви!

Рыбка говорит:

– Не плачь, ступай наряжайся да поезжай в церковь; будет рожь вычищена!

Она нарядилась, приехала к обедне. Мати не могла её опознать. Обедня зачала отходить, девушка уезжает домой; мати тоже приходит домой и спрашивает:

– Что ты, дура, вычистила ли рожь?

– Вычистила, – отвечает она.

– Что у обедни была за красавица! – говорит мати. – Поп не

поёт, не читает – всё на ей глядит; а ты, дура, взгляни-ка на себя, в чём в эком ходишь!

– Хоть не была, да знаю! – говорит девица.

– Где тебе знать? – сказала ей мати.

□На другой раз мати нарядила старшую дочь свою в самолучшее лопотьё, пошла с ей к обедне, а младшей оставила три меры жита и говорит:

– Покамест я молюсь богу, ты вышестай жито.

Вот она и пошла к обедне, а дочь пошла по воду на колодец; сидит у колодца и плачет. Рыбка выплыла наверх и спрашивает:

– О чём, красна девица, плачешь?

– Как же не плакать, – отвечает ей красна девица, – мати нарядила сестру мою в самолучшее лопотьё, пошла с ей к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить три меры жита до прихода своего из церкви.

Рыбка говорит:

– Не плачь, ступай наряжайся да поезжай за ей в церковь; жито вычистится!

□Она нарядилась, приехала в церковь, стала богу молиться. Поп не поёт, не читает – всё на ей глядит! Обедня зачала отходить. Был в то время у обедни той стороны царевич; красна девица наша больно ему поглянулась; он захотел узнать: чья этакая? Взял да и бросил ей под башмак смолы. Башмак остался, а она уехала домой.

– Чей башмак, – говорит царевич, – ту замуж возьму!

Башмак-от был весь вышит золотом. Вот и старуха пришла домой.

– Что там была за красавица! – говорит она. – Поп не поёт, не читает – всё на ей смотрит; а ты, дура, посмотри-ка на себя:

что эка за оборванка!

□А в тѣпоры царевич по всем волостям искал дѣвицы, что потеряла башмак; никак он не мог найти, чтоб башмачок был впору. Он пришёл к старухе и говорит:

– Покажи-ка ты свою девку, ладен ли будет башмак ей?

– Дочь моя замараёт башмак, – отвечает старуха.

Пришла красна девица; царевич примерил ей башмак – башмак ей ладен. Он взял её замуж; стали они жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синь кафтан, ворона летит да кричит: «Синь кафтан! Синь кафтан!» Я думаю: «Скинь кафтан!» – взял да и скинул. Дали мне колпак, стали в шею толкать. Дали мне красные башмачки, ворона летит да кричит: «Красные башмачки! Красные башмачки!» Я думаю: «Украл башмачки!» – взял да и бросил.

[1] – В город.

[2] – Платье.

[3] – Вычистить, содрать шелуху.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Свиной чехол

У великого князя была жена-красавица, и любил он её без памяти. Умерла княгиня, осталась у него единая дочь, как две капли воды на мать похожа. Говорит великий князь:

– Дочь моя милая! Женюсь я на тебе.

Она пошла на кладбище, на могилу матери, и стали умильно плакать. Мать и говорит ей:

– Вели купить себе платье – чтоб кругом были часты звёзды.

Отец купил ей этакое платье и пуще прежнего в неё влюбился. Пошла дочь в другой раз к матери. Мать говорит:

– Вели купить себе платье – на спине бы светел месяц был, на груди красно солнышко.

Отец купил и ещё больше влюбился. Опять пошла дочь на кладбище и стала умильно плакать:

– Матушка! Отец ещё пуще в меня влюбился.

– Ну, дитяtko, – сказала мать, – теперь вели себе сделать свиной чехол.

Отец и то приказал сделать; как только приготовили свиной чехол, дочь и надела его на себя. Отец плюнул на неё и прогнал из дому, не дал ей ни служанок, ни хлеба на дорогу. Она

перекрестила себе глаза и вышла за ворота. «Пойду, – говорит, – на божью волю!» Идёт день, идёт другой, идёт третий – и зашла в чужую землю.

□Вдруг надвинулись тучи, началась гроза. Где от дождя укрыться? Увидала княжна огромный дуб – влезла на него и села в густых ветвях. Тем временем ехал на охоту царевич; стал проезжать мимо этого дуба, собаки его бросились – так и рвут и лают на дуб. Любопытно стало царевичу, отчего так собаки на дуб лают? Послал своего слугу посмотреть; слуга возвратился и сказал:

– Ах, ваше высочество! На дубу сидит зверь – не зверь, а чудо чудное, диво дивное!

Царевич подошёл к дубу и спросил:

– Что ты за чудо? Говоришь ты али нет?

Княжна отвечала:

– Я Свиной Чехол!

Не поехал царевич на охоту, а посадил Свиной Чехол к себе на повозку и говорит:

– Повезу-ка я к отцу, к матери чудо чудное, диво дивное!

Отец и мать подивовались и отправили её в особую комнату.

□Немного спустя собрался у царя бал; все придворные пошли веселиться. Свиной Чехол и спрашивает у царской прислуги:

– Могу ли я у дверей постоять да на бал посмотреть?

– Куда тебе, Свиной Чехол!

Она вышла в чистое поле, нарядилась в блестящее платье – кругом часты звёзды! Свистнула-гаркнула – и подали ей карету; села, поехала на бал. Приехала и пошла танцевать. Все удивились: откуда взялась такая красавица? Потанцевала-

потанцевала и скрылась; опять надела свиной чехол и прибежала в свою комнату. Царевич пришёл к ней и спрашивает:

– Не ты ли, Свиной Чехол, там была этаким красавицей?

Она отвечает:

– Куды я гожусь с своим чехлом? Я только у дверей постояла.

□В другой раз собрались к царю на бал. Свиной Чехол просит позволения прийти посмотреть.

– Куда тебе!

Она вышла в чистое поле, свистнула-гаркнула не соловейским посвистом, а своим девичьим голосом – явилась карета; скинула свой свиной чехол, надела платье: на спине светел месяц, на груди красно солнышко! Приехала на бал и пошла танцевать. Все на неё прилежно глядят. Потанцевала и опять скрылась.

– Что нам делать теперь? – говорит царевич. – Как узнать, кто такова эта красавица?

Придумал: взял да и засмолил первую ступеньку смолою, чтоб её башмак пристал.

□На третий бал княжна ещё лучше показалась, да как стала выходить из дворца – башмачок её и прилип к смоле. Царевич взял этот башмачок и пошёл искать по всему царству, кому башмачок впору? Всю свою землю изъездил – никому по ноге не приходится. Приехал домой, пошёл к Свиному Чехлу и говорит:

– Покажи свои ноги.

Она показала; примерил – как раз впору. Царевич разрезал свиной чехол и снял с княжны; потом взял её за белую руку, повёл к отцу, к матери и просит позволения жениться на ней. Царь с царицею благословили. Вот и обвенчали их; стал царевич у своей жены спрашивать:

– Отчего на тебе был свиной чехол надет?

– Оттого, – говорит, – что была я похожа на покойную мою мать и отец хотел на мне жениться.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...